

0-734078 -1

На правах рукописи

Черюкина Гузель Леонидовна

**Романы «пятикнижия» Ф.М. Достоевского
и Откровение святого Иоанна Богослова**

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Волгоград

2001

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы Ростовского государственного университета.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор *Белопольский Вадим Николаевич*.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор *Жаравина Лариса Владимировна*;

кандидат филологических наук, доцент *Млечко Александр Владимирович*.

Ведущая организация – Ростовский государственный педагогический университет.

Защита состоится 21 сентября 2001 года в 12.30 ч. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном педагогическом университете (400131, г. Волгоград, пр. им. Ленина, 27).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан «11» августа 2001 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ФФУ

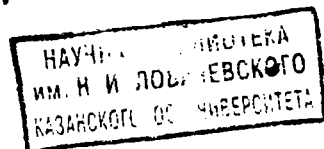

0000977340

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

В. И. Супрун

В.И. Супрун

Творчество Ф.М. Достоевского было и остается неисчерпаемым источником духовных и научных поисков. Его произведения, по определению Г.М. Фридлендера, «представляют собой единственный в своем роде, предельно емкий, энциклопедический по охвату материала синтез разнообразных общественно-литературных и культурно-исторических традиций»¹. Неразрывная связь творческого сознания писателя с его религиозным миропониманием выдвигает на первый план проблему соотносительности художественных и библейских текстов, раскрытия глубинных смыслов космологического содержания, почерпнутых в Священном Писании и освоенных в художественном творчестве.

Наиболее очевидна связь произведений Ф.М. Достоевского с заключительной книгой Библии – Откровением святого Иоанна Богослова. Предельно аккумулируя в себе содержание Библии, текст Апокалипсиса стал для художника универсальной схемой, охватившей все пласты человеческого бытия, что позволило писателю интенционально подойти к явлениям жизни и понять основные законы мироздания, запечатленные в Откровении.

Параллельное обращение к художественным и библейским текстам позволяет выявить степень влияния заключительной книги Священного Писания и на мировоззрение писателя, и на его творческое сознание, что сказалось на поэтике его художественных произведений.

Актуальность данного исследования обусловлена рядом причин. Одна из них - неубывающий интерес к творчеству Ф.М. Достоевского как христианского писателя.

Кроме того проблема соотносительности художественных произведений Ф.М. Достоевского с текстом Откровения Иоанна на сегодняшний день с точки зрения литературоведения остается наименее изученной. Вследствие этого многие идеи писателя остаются недостаточно раскрытыми, колоссальный пласт ре-

---

¹ Фридлендер Г.М. О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования: Т. 4. Л., 1980. С. 7.

лигиозно-философского содержания его произведений до сих пор не исследован и не прокомментирован в должной мере.

Наконец, понимание факта влияния Откровения Иоанна на процесс художественного творчества Ф.М. Достоевского расширяет возможности рассмотрения произведений писателя в «большом времени», выводит их за рамки хроники современной автору действительности.

Научная новизна работы:

- 1) предпринята попытка системного анализа поздних романов Ф.М. Достоевского в свете влияния Откровения святого Иоанна Богослова на поэтику художественных произведений;
- 2) расширено смысловое поле мотивов и художественных образов романов с учетом их неразрывной связи с апокалиптическими мотивами и образами;
- 3) предложена новая интерпретация ряда сюжетных положений и ситуаций, обусловленных изначальной апокалиптичностью повествования.

Цель настоящей работы – показать особую роль Откровения Иоанна Богослова в формировании Достоевского-художника, прочтение поздних романов которого с учетом влияния заклочительной книги Библии на поэтику произведений может стать ключом к более глубокому пониманию их религиозно-философского содержания.

Для достижения обозначенной цели ставятся следующие задачи:

- 1) осмыслить двойную роль Откровения святого Иоанна Богослова: с одной стороны, по емкости и универсализму содержания заклочительная книга Библии служит смысловым контекстом для творчества Достоевского, с другой – происходит включение библейского текста в контекст литературных произведений, и в этом случае он должен рассматриваться как неотъемлемая часть художественных текстов;

2) выявить и указать художественные средства, используемые писателем для адаптации сакрального текста в контексте поздних романов;

3) проследить закономерности повествования, обусловленные влиянием Откровения Иоанна на мотивную структуру и систему образов романов «пятикнижия» Ф.М. Достоевского;

4) выявить и обозначить основные композиционные принципы, благодаря которым происходит максимальное сближение семантики художественных произведений с библейским текстом.

Выполнение поставленных задач позволяет приблизиться к пониманию специфики художественного мышления Ф.М. Достоевского.

Объектом исследования стали пять романов позднего периода творчества Ф.М. Достоевского - «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подорожники», «Братья Карамазовы». Канонический текст Откровения святого Иоанна Богослова не является объектом специального исследования, а рассматривается в свете парадигматических связей творчества Достоевского и анализируется лишь в контексте художественных произведений.

Предмет исследования – поэтика романов «пятикнижия», генетически связанная с текстом Откровения святого Иоанна Богослова: мотивы, образы, композиция.

Методы исследования. В качестве основного используется герменевтический подход. Поздние романы Достоевского могут рассматриваться как художественная интерпретация Откровения святого Иоанна Богослова, что расширяет возможности онтологического понимания содержания канонического текста. Образуя сложное единство собственно художественного и сакрального пластов, романы Достоевского задают новый интенциональный ряд, где тексты произведений являются второй интенцией, то есть результатом авторской рефлексии, а с другой стороны, первой интенцией, то есть предметом осмысления для самого читателя. Кроме этого в работе использованы методы мотивного и

сравнительно-генетического анализа с применением принципа «пристального чтения».

Теоретическая значимость работы заключается в расширении и углублении представлений о своеобразии творчества Ф.М. Достоевского, о степени влияния текста Библии, в частности Откровения святого Иоанна Богослова, на поэтику поздних романов писателя.

Практическая ценность состоит в возможности использования материалов диссертации при разработке лекционных курсов по истории русской литературы XIX века, а также спецкурсов и спецсеминаров, посвященных творчеству Ф.М. Достоевского и функционированию библейских текстов в русской литературе.

Апробация работы осуществлялась на следующих научных конференциях: аспирантов и соискателей факультета филологии и журналистики РГУ (Ростов-на-Дону, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997), Всероссийской конференции «Русская литература и культура» (Новороссийск, 1991, Ростов-на-Дону, 1997, 1998), Международной конференции «Русская литература XIX века и христианство» (Москва, МГУ, 1994), Всероссийской конференции «Северо-Кавказские чтения. Проблемы филологии и журналистики в контексте новых общественных реалий» (Ростов-на-Дону, 1995), межвузовской конференции «Достоевский и мировая культура» (Ростов-на-Дону, 1996), Вторых Димитровских образовательных чтениях «Православное предание и возрождение России» (Ростов-на-Дону, 1997), Международной конференции-фестивале «Музыкальная культура христианского мира» (Ростов-на-Дону, 2000), Международной конференции «Филология на рубеже тысячелетий» (Ростов-на-Дону – Новороссийск, 2000).

Кроме того, материалы исследований были использованы в разработке и проведении спецкурса для студентов-филологов дневного и заочного отделений факультета филологии и журналистики РГУ «Библейский текст в русской лите-

ратуре» (1997 – 2000 г.г.). Материалы диссертации обсуждались на кафедре истории русской литературы РГУ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Откровение святого Иоанна Богослова оказало значительное влияние на поэтику поздних романов Ф.М. Достоевского, и в первую очередь на их мотивную структуру, систему образов и композицию. Данное положение может быть доказано путем сравнительного анализа художественных произведений и выходом на их генетическую связь с текстом Откровения.
2. Обращение художника к тексту Откровения Иоанна носят перманентный характер, что ведет к созданию единой системы, которая определяется ролью сакрального текста в качестве парадигмы творчества писателя. Ф.М. Достоевский в своих романах расшифровывает апокалиптические образы-символы, переводя их в плоскость художественно-философского мышления.
3. В своих произведениях Достоевский не ограничивается прямым включением текста Откровения Иоанна (цитаты, реминисценции, аллюзии). Используя ряд художественных методов, приемов и принципов, писатель расширяет смысловое поле образов и сюжетных ситуаций, придавая им определенную знаковость. Благодаря этому многие мотивы и образы, на первый взгляд не связанные с текстом Откровения, оказываются вовлеченными в смысловой круг художественной апокалиптики и подчиненными общему апокалиптическому сюжету романов Достоевского.
4. Отвечая на вопрос о судьбах мира и человечества, автор смещает акценты в психологическую плоскость и представляет человека как модель мира. Главные герои Достоевского переживают Апокалипсис в своей душе. Амбивалентность их сознания обусловлена внутриличностной борьбой Христа с дьяволом.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, новизна, определяются цель и задачи работы, методы исследования, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту. Здесь же дается обзор научной литературы, на которую мы опирались в процессе исследования.

Еще при жизни писателя его религиозные взгляды стали предметом пристального внимания видных философов и богословов: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, К.Н. Леонтьева, Н.О. Лосского, Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, В.С. Соловьева и др.

В современной науке эта традиция продолжена такими известными литературоведами, как В.Н. Белопольский, В.В. Борисова, А.М. Буланов, В.Н. Захаров, К.А. Степанян и мн. др., предметом исследований которых стала неразрывная связь творчества Ф.М. Достоевского с его религиозным миропониманием. При всем разнообразии аспектов и акцентов, предлагаемых достоеведами в трудах, очевидным остается одно: Ф.М. Достоевский в своем творчестве был проповедником Высшей истины, а Священное Писание стало для него сводом нравственно-этических законов.

О генетической связи художественного творчества писателя с Откровением святого Иоанна Богослова существует не так много работ, и, как правило, они представляют собой либо исследование более широкой проблемы творчества Достоевского (В.Я. Кирпотин. Мир Достоевского. Этюды и исследования. М., 1980; Ю.И. Селезнев. В мире Достоевского. М., 1980), либо отдельные статьи, объем которых не позволяет в полной мере осветить столь масштабную проблему (Ф.Ю. Карякин. Достоевский и Апокалипсис; Ф.Б. Тарасов. Апокалипсис в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»). В предлагаемой работе предпринята попытка систематизировать и обогатить представление о художественной апокалиптике Ф.М. Достоевского.

В связи с тем, что на сегодняшний день не существует единого определения понятия «мотив», дан экскурс в историю этого термина с кратким обзором наиболее авторитетных и значимых работ (А.Н. Веселовского, В.Б. Томашевского, В.Я. Проппа, А.П. Скафтымова, Б.М. Гаспарова, Р.Я. Клейман, В.Е. Хализева и др.), в которых предложены различные границы этого понятия. Так как предлагаемое исследование носит герменевтический характер, то в нем сделан акцент на формально-содержательную функцию мотива, несущего в себе смысловое постоянство в разворачивающемся повествовании.

Как общая основа, сближающая романы «пятикнижия» Ф.М. Достоевского с Откровением святого Иоанна Богослова, указывается эсхатологическая сущность повествования. Эмоциональная атмосфера художественных произведений и библейского текста обусловлена эсхатологическими законами бытия. В своей книге «Смысл истории» Н.А. Бердяев определяет эсхатологию как «учение о конце истории, об исходе, о разрешении мировой истории», которая «идет к факту – явление Христа и идет от факта – явление Христа»¹.

Мотивный анализ поздних романов Достоевского позволяет выявить отражения (вплоть до прямого проецирования) Откровения Иоанна в структуре художественных текстов. При этом для писателя всегда остается актуальной проблема новой интерпретации энигматичных образов-символов Апокалипсиса, что влечет за собой появление новых, не-собственно апокалиптических мотивов, генетически связанных с каноническим текстом. Для более четкой дифференциации собственно апокалиптических и вторичных, производных, предлагается ряд основных мотивов, характерных как для Откровения, так и для поздних романов Достоевского:

- 1) мотив богоотступничества (апостасии);
- 2) мотив второго пришествия Христа;

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 27.

- 3) мотив Страшного суда;
- 4) мотив смерти;
- 5) мотив первого воскресения;
- 6) хилиастические мотивы;
- 7) мотив бессмертия.

Безусловно, ни Откровение, ни романы Достоевского не исчерпываются названными мотивами, но именно они становятся скрепляющими звеньями между художественными произведениями и каноническим текстом. По наблюдению В.Н. Топорова, «романы Достоевского аналогичны мифопоэтическим текстам. Если роман Достоевского записать таким образом, что все эквивалентные (или повторяющиеся) мотивы будут расположены в вертикальной колонке (сверху вниз), а мотивы, образующие синтагматическую цепь, - в ряд (слева направо), - то, как и в случае с мифом (или ритуалом), чтение по ряду соответствовало бы рассказыванию романа, а чтение по колонке – его пониманию»¹. Сложная мотивная структура произведений Достоевского не строится на соблюдении канонической последовательности апокалиптических видений, тем не менее именно через мотивную структуру прослеживается особое пристрастие писателя к заключительной книге Библии. От романа к роману художник вводит новые мотивы, расширяя и усложняя мотивную структуру, восполняя общую картину мира. Эту особенность поэтики Достоевского отметил А.С. Долинин: «Еще и еще раз восстает один и тот же мотив или образ в самых разнообразных ситуациях, и на каждой последующей ступени мотив звучит все мощнее и грознее, а образ усложняется до того, что бывает очень трудно восстановить его предшествующие стадии»².

¹ Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // В.Н. Топоров Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 194.

² Долинин А.С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л., 1989. С. 97.

Каждый из названных мотивов имеет двойную природу – внутреннюю и внешнюю. В особенности это касается катастрофических мотивов (саморазрушение – потребность в разрушении внешнем, самоистязание – потребность в мучительстве других, самоубийство – убийство). Что касается мотива воскресения, то здесь внешнее действие вторично. Лишь после того, как герои Достоевского переживают свой собственный внутренний Апокалипсис, они наделяются автором способностью нести в мир Истину, реально помогать другим людям.

В первой главе работы рассматривается вопрос о влиянии Откровения святого Иоанна Богослова на мотивную структуру поздних романов Ф.М. Достоевского. Одним из основополагающих в романах «пятикнижия» является мотив богоотступничества. Апостасийное начало присуще многим персонажам: этот мотив прослеживается в линиях судеб Родиона Раскольникова и Ипполита Терентьева, Николая Ставрогина и Версилова, Дмитрия и Ивана Карамазовых. Сверхзадачей для главных героев становится преодоление собственного душевного кризиса и возвращение к Богу. В художественном пространстве произведений писателя этим мотивом порождается мотив равнодушия, непосредственно связанный с фрагментом канонического текста: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр.: 3; 14-16). По толкованию большинства богословов, здесь речь ведется о сытой «теплохладности», самодовольстве. В романах Достоевского в осмысление содержания этого фрагмента привносятся новые оттенки. Безучастное отношение ко всему происходящему, по Достоевскому, симптом страшной болезни души, ведущей к полному самоуничтожению. Равнодушие есть результат богоотступничества, отказа от живой связи с Творцом, следствием чего становятся опустошенность и безразличие. Богоотступничество ведет к саморазрушению, которое становится причиной внешнего разрушения и обуслови-

вает катастрофический сюжет романов и в конечном счете приводит ко «второй смерти» равнодушных. Равнодушие по сути является первой, духовной смертью, и только от героя зависит, преодолеет ли он этот недуг и станет ли для него возможным «первое воскресение», после которого «смерть вторая не имеет власти» (Откр.: 20; 6). Путь к воскресению всегда лежит через страдание и покаяние, и, если герой отказывается от них, он обречен на гибель. В первых двух романах мотив равнодушия присутствует автономно и не привязывается писателем к каноническому тексту, но уже в романе «Бесы» этот мотив перерастает в тему и получает развитие в контексте апокалиптического мироощущения героев, что подкрепляется прямым обращением к приведенному фрагменту текста Откровения. Вводя мотив равнодушия в ткань художественного текста, автор приходит к философскому осмыслению явления равнодушия и находит ему адекватное определение в книге Иоанна.

Особого внимания заслуживает мотив, связанный с фразой из Откровения: «Времени уже не будет...» (Откр.: 10; 6), который условно может быть обозначен как мотив «безвременья». Он тесно связан с мотивами второго пришествия Христа и Страшного суда. «Безвременье» является периодом испытаний для мятущихся героев и сосредоточивается, в основном, в психологическом плане. Помимо названных, «безвременье» тесно связано с мотивами смерти и воскресения, являющимися итогом Страшного суда, свершившегося в душах героев. Если время – это жизнь с Богом в сердце, то «безвременье» – это рубеж либо между жизнью и смертью, либо между жизнью и воскресением.

Главенствующим в романах Достоевского является мотив воскресения, обусловленный телеологичностью самих сюжетов. Проследивая развитие мотива, невозможно не заметить, что от романа к роману происходит выход мотива за рамки формального плана и перерастание его в доминирующую идею. Необходимо отметить, что в Откровении Иоанна есть конкретное указание на «первое воскресение» (Откр.: 20; 5). Окончательная же победа Христа знамену-

ется обретением Града Небесного, символизирующего бессмертие. В очищении через страдания и душевные муки главные герои Достоевского находят путь к воскресению и вновь обретают Христа в своем сердце. Такова судьба Родиона Раскольникова, Иполита Терентьева, Степана Трофимовича Верховенского, Дмитрия Карамазова, Михаила (тайнственного посетителя старца Зосимы). Их дальнейший жизненный путь, независимо от его продолжительности, освещен сиянием Христа; они познают высший смысл жизни и возвращаются к Богу.

Немаловажным моментом, определяющим положительность вектора внутреннего движения героев, является их вера в бессмертие души. Верят в Град Небесный Родион Раскольников, Иполит Терентьев, Иван Карамазов. Вряд ли можно говорить о присутствии мотива бессмертия в развитии сюжетов произведений, но в каждом романе вопрос о бессмертии обсуждается действующими лицами, а в «Братьях Карамазовых» становится одной из главных тем, имеющих значение в понимании общей религиозно-философской концепции мира и человека в творчестве Ф.М. Достоевского.

В связи с идеей воскресения в романах Достоевского возникают хилиастические мотивы, связанные с внутренней борьбой героев, мечущихся между верой и неверием. Отчаянное желание воцарения всеобщей гармонии, обретения «тысячелетнего царства с Христом» здесь, на земле, усугубляет кризис в душах героев-бунтарей и обрекает их на дополнительные мучения. В связи с этим в романах Достоевского появляется темарая. С ней связаны сны Николая Ставрогина и Версилова, мечты князя Мышкина, грезы Раскольникова и Ивана Карамазова. Авторская же позиция выражена в словах Маркела («Жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того» (14, 262)¹) и в словах Михаила, посетителя старца Зосимы («Рай, говорит, в каждом из нас затаен» (14, 275)). Воскресение героев Достоевского знаменует начало «тысячелетнего царства с Христом» в их душах, и неважно, сколько времени им отпущено здесь, на земле.

¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Л., 1972-1990 (здесь и далее художественные тексты цитируются по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы)

Важно то, что воцарение Христа в их сердцах свершилось и «смерть вторая не имеет власти». Первое воскресение и обретение рая в своей душе переживают лишь избранные герои (девушка Мари из Швейцарии («Идиот»), старец Зосима и Михаил («Братья Карамазовы»)). Линии судеб большинства персонажей либо остаются незавершенными и «первое воскресение» героя выводится за рамки сюжетного повествования, становится предполагаемой (очевидной) перспективой его дальнейшей судьбы (Раскольников, Версилов, Митя Карамазов), либо завершаются их гибелью, суть «второй смерти» из Апокалипсиса, отрезающей путь к бессмертию (Свидригайлов, Настасья Филипповна, Ставрогин, Смердяков).

Основываясь на результатах работы первой главы, можно утверждать, что Откровение святого Иоанна Богослова оказало значительное влияние на формирование мотивной структуры поздних романов Ф.М. Достоевского, которое выразилось не только в прямом введении тех или иных апокалиптических мотивов в ткань художественных текстов, но и в специфической, характерной только для Достоевского манере подачи этих мотивов. Многофункциональность апокалиптических мотивов в отдельности и одновременно с тем их синкретизм в целом играют ведущую роль в создании особого художественного мира в романах писателя, целостной системы художественной апокалиптики.

С мотивной структурой поздних романов Ф.М. Достоевского тесно связана система образов. В связи с общей темой нашей работы во второй главе рассматриваются апокалиптические образы и художественные приемы их создания. Необходимо отметить, что важную роль в формировании апокалиптических образов играют сопутствующие им мотивы как собственно апокалиптические, так и вторичные, производные.

Наиболее исследованным библейским образом в романах Достоевского является Христос. В отечественном и зарубежном литературоведении эта проблема освещается в работах таких ученых, как А.М. Буланов, Р. Бэлнеп, В.Е. Ветловская, А.Б. Галкин, Р. Гуардини, Т.А. Касаткина, И.А. Кириллова,

Ю.И. Селезнев, К.А. Степанян, Б.Н. Тихомиров и мн. др. Новым в предлагаемой работе является то, что образ Христа в художественном мире романов Достоевского рассматривается в его апокалиптическом значении. С. Булгаков так комментирует Апокалипсис: «Откровение открывает нам об этой жизни Христа вместе с миром и в мире, продолжающейся по вознесении, которое не является отсутствием Христа в мире, с ним Его разлучением, но особым лишь в нем присутствием. Образы этого присутствия, как и последовательные его события, и раскрываются в Откровении. Поэтому оно имеет и свой собственный образ явления Христа миру и человеку, апокалиптический, иной, нежели евангельский»¹. Безусловно, в романах Достоевского представлен синкретический образ Христа, но наряду с евангельскими присутствуют и апокалиптические характеристики. Именно на них акцентировано внимание в данной главе работы.

В Откровении читаем: «...И лице Его – как солнце, сияющее в силе своей» (Откр.: 1; 16). Мотив света и солнца, либо ведущий к выходу из мрака и неверия, либо противостоящий им, вводится Достоевским в связи с образом Христа. При этом «свет» может возникать в жизни героев как внешнее явление и в определенных жизненных ситуациях помогать или преследовать героев, а может быть подан как внутренняя характеристика того или иного персонажа, что свидетельствует о присутствии Христа в их сердцах. Далеко не все герои наделены автором способностью «сиять» и «светиться», но даже редкие такие характеристики относительно некоторых героев (например, Раскольникова или Мармеладова) даются, как правило, в сакральном значении. Внутренний «свет» как постоянное качество присущ лишь положительным личностям, таким, как Соня Мармеладова, мать и сестра Раскольникова, князь Мышкин, Макар Долгорукий, Алеша Карамазов, старец Зосима. По отношению к богооставленным персонажам, разорвавшим связь с Христом, эта характеристика совсем не ис-

¹ Булгаков С. Апокалипсис Иоанна. Опыт догматического истолкования. М., 1991. С. 334.

пользуется автором. К ним относятся Свидригайлов, Лужин, Парфен Рогожин, Николай Ставрогин, Петр Верховенский, Федор Павлович Карамазов, Смердяков.

Но мотив света и солнца присутствует не только как характеристика внутреннего состояния героев. Он является в романе одним из неотъемлемых атрибутов сюжетного повествования. Закат, рассвет, исчезновение или появление света в определенных жизненных ситуациях наполняют эти ситуации сакральным смыслом. Неслучайно в «Преступлении и наказании» перед самым убийством Алены Ивановны и Лизаветы «небольшая комната <...> была освещена заходящим солнцем» (6, 8). Но сам Раскольников в минуту убийства уже не видит его, хотя за день до преступления обратил внимание на «заходящее солнце». На протяжении всего пути героя от убийства до признания свет не оставляет его, преследует, мучает преступника. Знаменательно и то, что свое признание он спешит сделать до заката солнца. В продолжение всех пяти романов мотив света и солнца сохраняет свое сакральное значение, а в «Братьях Карамазовых» перерастает в образ-символ, являющийся Алеше в его сне-видении: «А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты его?

- Боюсь... не смею глядеть... - прошептал Алеша.
- Не бойся его. Страшен величием своим, ужасен высотой своею, но милостив бесконечно...» (14, 327).

В связи с образом Христа в романах Достоевского возникают мотивы второго пришествия, Страшного суда и битвы. Последний мотив связан и с образом антихриста. По сути, весь психологический план выстроен на мотиве битвы Христа и антихриста в сердцах главных героев, способных к «первому воскресению».

Внешние события также связаны с этим мотивом, так как в своих романах Достоевский использует прием частичной персонификации апокалиптических образов в действующие персонажи. Ступая определенные апокалиптические характеристики, отводя тому или иному герою особую роль в разворачивании апокалиптического сюжета, автор наделяет ряд персонажей конкретной знако-

востью. С образом Христа в романах Достоевского соотносимы князь Мышкин, Макар Долгорукий, старец Зосима. Противоположной знаковостью наделены Свидригайлов, Рогожин, Ставрогин, Смердяков. Например, вспомним историю рождения последнего. Еще до появления Смердякова на свет у слуги Григория рождается шестипалый младенец. В его рождении Григорий видит великое знамение и называет ребенка «драконом». Ребенок прожил недолго, но его смерть совпадает с другим событием – рождением ребенка у Лизаветы Смердящей в саду Федора Павловича. Он-то и занимает место умершего сына Григория. Сам слуга комментирует это совпадение так: «Это покойничек наш прислал, а произошел сей от бесова сына...»(14, 92). Появление Смердякова на свет перекликается с явлением второго зверя – антихриста – в Откровении: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон. Он действует перед ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю...» (Откр.: 13; 11-12).

В романах Достоевского апокалиптическая семантика художественного образа не всегда совпадает с его традиционным толкованием. Так, например, Наполеон не может рассматриваться как воплощение образа зверя (антихриста): в тексте нет веских аргументов в пользу такой точки зрения. При этом есть основание предположить, что образ Наполеона в художественном мире Достоевского напрямую связан с 9 главой Откровения, где речь идет о саранче, вышедшей из дыма: «Царем над собой она имела ангела бездны; имя ему по Еврейски Аваддон, а по-Гречески Аполлион» (Откр.: 9; 11). Этот же апокалиптический образ возникает в кошмарах Ипполита Терентьева, который, подобно Родиону Раскольникову, восстал против провидения и отрекся от Града Небесного.

В первой главе указывалось, что образ Града Небесного в романах Достоевского возникает в связи с идеей бессмертия и остается идеальным пространством, к которому внутренне устремлены герои, пережившие «первое воскресение».

ние». Так как все события, разворачивающиеся в романах, связаны с реальным, эмпирическим пространством и ограничены земной жизнью героев, в произведениях предлагается другой образ-символ, генетически восходящий ко «второй смерти» из Откровения. Это образ Америкы. В романах Достоевского он предлагается как антитеза Града Небесного и может рассматриваться в роли эквивалента небытия. Первая мысль очнувшегося после горячки Раскольникова, уже совершившего убийство, о побеге в Америку. Об этом же думает Аркадий Долгорукий в «Подростке» после того, как его обвиняют в мошенничестве в игорном доме. Митя Карамазов мучается сомнениями, бежать или не бежать в Америку. Но Америка не спасение, это лишь попытка избежать страдания и возмездия, которые являются необходимыми условиями для «первого воскресения». Америка отравляет сознание героев. Неслучайно Шатов и Кириллов, побывавшие в Америке, оба погибают. «Новый свет», по словам князя Мышкина, не в Америке, а в России, которая является истинным источником духовной жизни. Америка – это пустота, мрак, безверие, «вторая смерть». Неслучайно в «Америку» отправляется Свидригайлов, покончивший жизнь самоубийством. Такова же судьба Крафта, разочаровавшегося в своей идее.

Как и в Откровении святого Иоанна Богослова, в романах Достоевского Град Небесный является символом бессмертия, заслуженной наградой для искупивших страданием и раскаянием свои грехи. В каноническом тексте бессмертию противостоит «смерть вторая» как единственно возможный итог для отпавших от Бога и нераскаявшихся. В отличие от окончательного воскресения, которое в Откровении символически представлено Градом Небесным, «смерть вторая» не имеет такого воплощения. Достоевский расширяет круг понимания апокалиптической смерти, вводя образ Америкы как антитезу Града Небесного.

Значительное место в топосе романов Достоевского занимает Петербург. В большинстве произведений действие происходит в этом городе. С этим урбанистическим образом связана и апокалиптическая топика романов (кроме

«Братьев Карамазовых»). Описания и характеристики города перекликаются с характеристиками топонимов из Откровения (Содом и Египет, Армагеддон, Вавилон). Разврат и насилие, окружающие героев, сгущают мрачную атмосферу повествования и усиливают контраст между темной и светлой сторонами личности самого героя. Человек, сдающийся и сливающийся с окружающей обстановкой, обречен на гибель. Например, Мармеладов, не выдерживающий испытания, оставляет свой мундир «в распивочной у Египетского моста». Незначительные на первый взгляд упоминания апокалиптических топонимов в конечном итоге дополняют общие характеристики как внешнего пространства, так и конкретного персонажа и участвуют в формировании апокалиптических образов в романах.

Анализ мотивной структуры и системы образов поздних романов Достоевского позволяет сделать выводы о значительности влияния Откровения святого Иоанна Богослова на общую семантику художественных произведений. Но влияние Апокалипсиса этим не ограничивается. Парадигматической связью художественного творчества писателя с Откровением обусловлен ряд композиционных особенностей поздних романов Ф.М. Достоевского. Этой проблеме посвящена третья глава работы. Необходимо указать на следующие композиционные принципы, по которым строятся романы Достоевского и благодаря которым мы можем говорить о влиянии Откровения на структуру художественных текстов. В качестве основных выделяются:

- 1) телеологичность, обусловленная тематикой и проблематикой поздних романов Ф.М. Достоевского;
- 2) особенности сюжетосложения романов (динамика и темпоральность действия, принцип централизации, организация событий, группировка персонажей);
- 3) место и роль повествователя (хроникера);

- 4) соотношение событийного, психологического и метафизического планов романов;
- 5) амбивалентность как основной принцип организации художественного мира романов Достоевского.

По наблюдению В.И. Иванова, «его [Достоевского] лабиринтом был роман или скорее, цикл романов, внешне не связанных прагматической связью и не объединенных общим заглавием <...>, но все же сросшихся между собой корнями»¹. Романы «пятикнижия» могут рассматриваться как по отдельности, так и в общей художественной системе. Особенно актуальным это становится при исследовании композиционных особенностей. Показательными в этом отношении являются компоненты рамочного текста, в которых обнаруживается определенная логичность и последовательность. От названия первого романа - «Преступление и наказание» - автор методично приходит к эпилогу «Братьев Карамазовых», в котором Алеша Карамазов произносит оптимистическую тираду о всеобщем воскресении, представленное в Откровении Градом Небесным. Каждый роман «пятикнижия» становится необходимым звеном на пути восхождения к идее бессмертия, являющейся главенствующей. Это определяет и телеологичность романов Достоевского. Изначальная целеобусловленность порождает постепенное расширение тематических рамок и выход на религиозно-философское учение о мире и человеке в романах Достоевского, перекликающееся с Откровением святого Иоанна Богослова.

Телеологичностью обусловлены сюжетно-композиционные особенности романов Достоевского: особая динамика и темпоральность действия, организация событий, принцип централизации, группировка персонажей. Все подчинено главенствующей идее: преодолевая апостасийное начало, герой Достоевского проходит «через горнило сомнений», в муках и страданиях вновь обретает веру.

¹ Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия // В.И. Иванов. Родное и вселенское. М., 1994. С. 284.

Воскресение героя и есть соединение с Христом, после чего «смерть вторая не имеет власти». В связи с этой идеей сюжеты романов Достоевского катастрофичны, образ Христа становится центром художественного мира произведений и все события выстраиваются по определенному сценарию, выводящему на понимание конечного свершения.

Немаловажное значение в понимании композиции романов Достоевского имеет образ повествователя (хроникера). Формальная связь между рассказчиком в «Бесах» и «Братьях Карамазовых» с автором (творцом) сопоставима с ролью Иоанна. В библейском тексте Иоанн является тайнозрителем и свидетелем Божественного откровения. Он избранник, на которого возложена миссия воплощения Божественного Слова в текст. Подобно Иоанну, повествователь Достоевского по воле автора становится не только свидетелем событий, происходящих в романе, но и вездесущим тайнозрителем, духовидцем, которому становятся известны не только событийные факты, но и мысли всех действующих персонажей. Точки зрения автора и повествователя не просто совпадают, а фактически сливаются в единую точку зрения. Сопоставляя хроникера Достоевского с Иоанном Богословом, мы говорим об особой организации художественного мира романов писателя и о формальной функции повествователя в произведениях, а не о смысловом значении этого образа. Но такое сравнение дает возможность расширить границы понимания содержания романов в целом и еще раз убедиться, насколько сильным было влияние Откровения святого Иоанна Богослова на творческое сознание Ф.М. Достоевского.

В повествовательной структуре романов Достоевского со всей очевидностью выделяются два плана: событийный и психологический. Доминантой повествования является человеческая личность, душа, что ведет к максимальному расширению психологического плана, а эмпирический план, связанный с внешним миром, носит эксплицитный характер. При совмещении этих планов в романах Достоевского происходит смещение акцентов с внешнего мира на внут-

ренный мир героев, что ведет к формированию метафизического плана, не входящего в сюжетное действие, но имеющего решающее значение в формировании общей религиозно-философской концепции Достоевского. Все три плана могут быть раскрыты лишь при понимании единства их сосуществования и постоянного взаимопроникновения. Двойничество – один из художественных приемов, позволяющий писателю дублировать психологические явления, выводить антиподные начала, сосуществующие в самих главных героях, в более понятное и наглядное противостояние персонажей, многие из которых являются персонафикацией метафизических сил, находящихся в столкновении в душе героя.

Амбивалентность – основной композиционный принцип в построении художественных произведений Достоевского. Приводя во взаимодействие и столкновение полярно противоположные начала, писатель достигает максимального эффекта в изображении внутренних, душевных процессов и внешних событий. Благодаря этому выкристаллизовывается основная идея, довлеющая над всем повествованием.

В заключении представлен ряд выводов на основании проведенного исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. «Карамазовщина» и «смердяковщина» в романе Достоевского «Братья Карамазовы» как историко-культурное явление // Русская литература и культура. Материалы к спецкурсу: Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1992. С. 11-13.
2. Мотив Апокалипсиса в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Конференция аспирантов и соискателей факультета филологии и журналистики РГУ. Ростов-на-Дону, 1993. С. 18-20.

3. Мотив Апокалипсиса в рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» // Научная конференция аспирантов и соискателей факультета (октябрь 1995г.): Тезисы и материалы докладов. С. 24-28.
4. Образ Ставрогина в системе персонажей романа Ф.М. Достоевского «Бесы» // Северо-Кавказские чтения «Проблемы филологии и журналистики в контексте новых общественных реальностей» (Лиманчик-95): Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 2. Проблемы литературоведения и языкознания. Ростов-на-Дону, 1995. С. 15-17.
5. Мирочувствование Ф.М. Достоевского и Библия // Научная конференция аспирантов и соискателей (тезисы докладов, осень 1994 года). Ростов-на-Дону, 1996. С. 81-83.
6. Апокалиптические образы в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура (к 175-летию со дня рождения писателя): Материалы межвузовской научной конференции. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1996. С. 19-21.
7. Архетип и мотив: о соотношении понятий // Материалы конференции аспирантов факультета филологии и журналистики. Ростов-на-Дону, 1996. С. 43-44.
8. Хилизм в позднем творчестве Ф.М. Достоевского // Православное предание и возрождение России: Материалы Вторых Димитровских образовательных чтений. Ростов-на-Дону. Из-во Ростовской епархии, 1997. С. 56-61.
9. Художественная роль «Жития старца Зосимы» в структуре романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Русская литература и культура. Вып. 3: Материалы межвузовской научной конференции. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1997. С. 13-15.
10. Разрушение как лейтмотив повествования в поздних романах Ф.М. Достоевского // Материалы конференции аспирантов факультета филологии и журналистики. Ростов-на-Дону, 1997. С. 67-69.

11. Америка как антитеза Града Небесного в поздних романах Ф.М. Достоевского // Русская литература и культура: Вып. 4: Материалы Всероссийской научной конференции. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1998. С. 33-34.
12. Эволюция мотива воскресения в поздних романах Ф.М. Достоевского // Филологический вестник Ростовского государственного университета. № 1, 1999. С. 14-19. Статья (1,2 п.л.).
13. Сюжетно-композиционные особенности поздних романов Ф.М. Достоевского // Филология на рубеже тысячелетий: Материалы Международной научной конференции: Вып. 3. Литература на рубеже тысячелетий. Ростов-на-Дону, 2000. С. 64-66.
14. Образ Христа в поздних романах Ф.М. Достоевского в свете влияния Апокалипсиса // Филологический вестник Ростовского государственного университета. № 3, 2000. С. 16-21. Статья (1,2 п.л.).
15. Апокалиптический фрагмент в структуре поздних романов Ф.М. Достоевского // Музыкальная культура христианского мира: Материалы Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2001. С. 149-156. Статья (0,5 п.л.).

Объем 1.0 п.л. Формат 60 x 84 /16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 389. Тираж 100 экз.
Отпечатано в КМЦ "Калибри", Б. Садовая, 79

22